

adjectives and that *upravliaemaia demokratia* reproduces the Slavic-foreign phonetic iconism characteristic of traditional Russia, but these instances are at most weak echoes of past undemocratic patterns that hold promise for the same kind of slow movement with plenty of reversals that characterizes the development of any democratic state.

© Ричард Д. Андерсон (мл.), 2006

Балашова Л.В.

Саратов, Россия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ ВНЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Abstract

The article analyses the metaphorization of the social and political vocabulary beyond the political discourse. The types of the metaphors formed on the ground of this vocabulary, and also degree of the conceptualization of the process of metaphorization are been discovered.

Практически во всех современных исследованиях наблюдается стремление представить метафорическое пространство языка как сложную и разнообразную по типам, функциям систему [см.: Арутюнова 1999; Гак 1988; Телия 1988], причем системность процесса метафоризации проявляется не только в пространстве, но и во времени.

Как показал наш анализ [Балашова 1998], на протяжении всего исторического периода развития русского языка (XI – нач. XXI в.) метафора играет значительную роль в становлении и развитии лексико-семантической системы в целом. При этом процесс метафоризации одновременно является как номинативным средством языка, так и способом мышления о мире [Баранов 1991; Лакофф, Джонсон 2004; Чудинов 2001].

Социальная метафорическая макросистема – одна из основных в истории русского языка. Она объединяет метафоры, репрезентирующие предметный и не предметный мир как определенную социальную модель, связанную с жизнью человека в обществе, с различными типами общественно-политических реалий.

Вместе с тем данная макросистема имеет целый ряд специфических особенностей. Так, если пространственная и натуралистическая макросистемы метафорических переносов складываются уже в древнерусском языке и достаточно стабильно функционируют на протяжении тысячелетия, то социальная макросистема до Нового времени значительно уступает им по продуктивности. Напр., в русском языке XI – нач. XV в. пространственная метафорическая макросистема включает несколько тысяч единиц, тогда как социальная – несколько сотен. Лишь с XVIII в. наблюдается активизация метафоризации единиц этой сферы. Особенно ярко это проявляется в XX в., что связано, безусловно, с экстралингвистическими факторами. Глобальные социальные

потрясения в жизни русского этноса и мировой цивилизации, активизация политической жизни не могли не отразиться на метафорической системе русского языка. В первую очередь это затронуло политический дискурс [Балашова 2004; Баранов 1991; Баранов, Караулов 1994; Будаев, Чудинов 2006]. Вместе с тем в последние десятилетия наблюдается активизация метафоризации общественно-политической и идеологической лексики вне социальной и политической сферы. Исследователи отмечают, что «интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль СМИ, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу» [Будаев, Чудинов 2006: 11].

Как показал наш анализ, достаточно активно общественно-политическая лексика становится источником метафоризации вне «книжных вариантов» литературного языка – в разговорной речи и внелитературных стратах, в частности, в просторечии и жаргонах (в данной статье рассматриваются такие динамичные страты, как общий, молодежный, компьютерный, уголовный жаргоны, а также сленг военнослужащих).

Показательной является уже сама система лексем, активно включающихся в процесс метафоризации.

Пожалуй, наименее последовательно переносные значения развивают лексемы, дающие общую характеристику общественному строю, причем самыми «востребованными» оказываются два общественных уклада – рабовладельческий и коммунистический / социалистический (ср.: *рабство, коммуниздить, скоммуниздить, заря коммунизма, утюг коммунизма, маяк коммунизма / социализма*). Достаточно редко используются обобщенные наименования национально-государственного устройства (ср.: *империя, рейх*). Примечательно, что государственное устройство России в XX веке (Советский Союз) именуется не с помощью официальных терминов, а разговорных и просторечно-жаргонных номинаций (ср.: *совдепия, совдеповский, жизнерадостные дети совка*).

Более регулярно в процесс метафоризации включаются лексемы, характеризующие органы государственной власти и управления. Обращает на себя внимание достаточно широкая эрудиция носителей просторечия и жаргонов: здесь представлены номинации руководящих органов как прошлого, так и настоящего, как европейских, так и азиатских, латиноамериканских государств (ср.: *рейхстаг, бундестаг, хунта, Кнессет*). Номинации российских реалий во многом отражают бюрократический характер нашего государства (ср.: *декреты, шарашкина контора, конторить, канцелярия, ЖЭК, отдел кадров, ревком, паспорт, гострах, главбрезно*). Современная представительская власть (*Дума, Думляндия*) «востребована» только компьютерным сленгом.

Самой продуктивной оказывается система номинации первых лиц

государства, реже – других государственных и административных должностей от античности до настоящего времени, России, Запада и Востока (ср.: *бонза* ‘чванное должностное лицо, надменный чиновник’, *богдыхан* ‘китайский император’, *босс*, *бригадир*, *генсек*, *губернатор*, *император*, *канцлер*, *князь*, *кесарь*, *комендант*, *конторщик*, *кормчий*, *король*, *королева*, *королек*, *короновать*, *короноваться*, *нарком*, *руководящий орган*, *султан*, *фараон*, *фюрер*, *царь*, *цезарь*). Современные реалии в основном связаны с новой парламентской системой (ср.: *делутат*, *думец*, *сенатор*, *спикер*).

Достаточно разнообразны как источник метафоризации номинации правоохранительных органов. Как правило, они характеризуют правоохранительную систему, политический сыск, карательные органы и места заключения царской России, СССР и современной России (ср.: *большая зона*, *бутырка*, *вертухай*, *жандарм*, *казак*, *конвой*, *конвоировать*, *работник органов*, *чекист*). Иностраные реалии также связаны с историей России – это номинации карательных органов фашистской Германии, противостоявшей СССР в годы Второй мировой войны (ср.: *гестапо*, *гестаповец*, *гестаповка*, *Бухенвальд*, *Освенцим*). Из других исторических реалий представлено лишь одно наименование – *Бастилия* (политическая тюрьма в королевской Франции), известная по курсу истории Великой французской революции.

Очень активно в метафорическую систему современной разговорной речи, просторечия и жаргонов включаются лексемы, характеризующие внутрисполитическую жизнь общества – классовый, сословный и социальный состав общества, экономическую политику государства, внутрисполитическую борьбу, политические и идеологические течения, национальную политику, отдельные политические реалии конкретного периода развития государства.

Одной из самых многочисленных является группа слов, именуемая классовый и сословный состав различных социальных и государственных систем, преимущественно – привилегированных, как российских, так и иностранных, от античности и Древней Руси до наших дней (ср.: *аристократ*, *барин*, *барыня*, *барчук*, *боярин*, *бояровать*, *буржуин*, *буржуйка*, *воевода*, *гегемон*, *гегемонить*, *дворянин*, *дворянское гнездо*, *граф*, *графья*, *знатный*, *капиталист*, *самодур*, *свет*, *бай*, *башатунбай*, *барон*, *бей*, *бюргер*, *гранд*, *дон*, *леди*, *лорд*, *рабовладелец*, *работарговец*, *самурай*, *сатрап*, *феодал*, *феодалка*). Низшие слои общества также характеризуют сословия и деклассированные, асоциальные элементы России, Западной Европы и Азии в прошлом и настоящем (ср.: *батрак*, *безлошадный*, *гладатор*, *дворник*, *крепостной*, *раб*, *пролетарий*, *пролетариат*, *бандит*, *бич*, *босота*, *босьяк*, *бродяга*, *зэк*, *нищий*, *висельник*, *вор*, *жулик*, *разбойник*).

В рамках противопоставления высших и низших слоев населения страны функционирует также группа слов, характеризующая место проживания гражданина («город – деревня», «центр – периферия»),

которые осмысляются как более и менее привилегированные части общества (ср.: *москвич, город – глубинка, глушь, лимита, деревня, крестьянин, колхоз, колхозник, Барнаул, барнаулить, Воркута, Колыма, любер, хохлома*). Характерно также использование синеэдохии – наименований одежды или орудий труда, типичных для городских / деревенских жителей, фабричных рабочих, интеллигентов XIX – XX вв. (*валенки, калоша, коромысло, лапоть, пиджак, пиджачок, пижон, соха, сапог*), а также антропонимов – типичных русских имен (ср.: *Ваня, Ванёк, Васёк, Вася, Гаврик, Гаврила, Агафон*). Социальные группы вне противопоставления «высший – низший» представлены менее регулярно, и они также в основном характеризуют российское общество XX в. (ср.: *единоличник, кооператор, рабфак трудящихся, целинник*).

Экономическая политика государства не столь регулярно отражена в метафорической системе разговорной речи, просторечия и жаргонов. Это в основном номинации социально и политически значимых экономических явлений, проектов, социально-экономических групп советского или постсоветского периода (ср.: *БАМ, соцсоревнование, ударник комтруда, ваучер, ваучеренок, инвестор, инвестировать, спонсор, дефолт*).

Значительно более последовательно переносные значения формируются лексемами, характеризующими идеологические, политические течения, общественные объединения, присущие советскому периоду развития нашего государства, а также некоторые политические и культурные реалии, связанные с ними (ср.: *анархист, активист, активистка, агитатор, агитка, агитпункт, коммунар, коммунист, забайкальский комсомолец, КПСС, патриот, пионер, пионерить, шпионерить, пионерия, профсоюз, тимуровец, красный день календаря*). Из неофициальных общественных группировок в процесс метафоризации включается лишь движение хиппи, получившее распространение в России с 70-х гг. XX в. (ср.: *хиппи, хипово, хиповский, хипповать*). Перестройка и становление современной политической системы в России отражены в ряде номинаций, связанных с демократизацией политической жизни общества (ср.: *гуманизация, гуманизатор, демократ, демократка, демократизатор, демократизация, ветер перемен, политический рейтинг, процесс пошел*). Из реалий прошлых эпох как источник метафоризации используются лишь фармазон 'масон', *фармазонить, декабрист, декабристка*. Единичными примерами представлены и политические движения зарубежных стран (напр.: *хунвейбин*).

Очень активно как источник метафоризации используется лексика, характеризующая классовую и политическую борьбу в России. Это реалии, связанные с Октябрьской революцией и гражданской войной, а также с периодом активного политического противостояния в 90-е гг. XX века (ср.: *барабанщик революции, белые, красные, красная армия, бомбист, трескаться с броневишка, бунтовать, белая гвардия, под красным зна-*

менем, знаменательный, козлогвардеец, контра, красный партизан, митинг, митинговать, защитник белого Дома, флаг тебе в руки).

Нации и национальная политика регулярно отражены в метафорической системе разговорной речи, просторечия и жаргонов. Это наименования наций и народностей, городов, населенных пунктов России и СССР и РФ, национальных движений и группировок (ср.: *абрек, азербайджан, аул, башкир, гости из Красной Башкирии, Бухара, еврей, карела / корела, Криворожье, Ташкент, Удмуртия, чалдон*). Внешняя политика и геополитическая карта мира также становится регулярным источником метафоризации. Это лексемы и словосочетания, включающие наименования рас, национальностей и национальных языков, стран и отдельных городов стран мира, типичных имен и исторических достопримечательностей государств практически всех континентов за исключением Антарктиды и Австралии (ср.: *абиссинец, албанец, американец, арапка, Афганистан, Африка, Эйфелева башня, Бухарест, Вашингтон, Версаль, Гонза, Гондурас, Голландия, Голливуд, голливудить, Иерусалим / Ерусалим, Зимбабве, индеец, инженер, ирокез, китайцы, Ким, Мабуту, негр, Париж, Роттердам, суахили, Африка, немецкий счет, таджимахала, Китай, китайский, француз, шведский комсомолец*)

Внешнеполитическая жизнь представлена номинациями, связанными с министерством иностранных дел (ср.: *дипломат, дипломатничать, персона нон грата, виза*), с внешней разведкой СССР, РФ и фашистской Германии (ср.: *абвер, абверовский, агент глубокого внедрения, боец невидимого фронта*), с общей направленностью внешней политики государства и конкретными историческими фактами революционной эпохи, Второй мировой войны и войны в Афганистане (ср.: *агрессия, агрессор, голубь мира, милитарист, Коминтерн, рот-фронт, власовец, камикадзе, фашист, душман*). Более ранние военные конфликты, в которых участвовала царская Россия, представлены номинациями *Ватерлоо, гайдамак*.

Еще один пласт лексики, который именно в разговорной речи, просторечии и жаргонах широко используется как источник метафоризации, – имена конкретных исторических деятелей прошлых эпох и современности. При этом носители данных стратов обнаруживают достаточно широкую эрудицию. В метафорическую систему включаются русские исторические личности средневековой Руси и царской России (ср.: *Аракчеев, Берия, Гапон, Ермак, Иван Грозный, Кутузов, пугачевка, пугачевщина, Столыпин*), революционной и советской эпохи (ср.: *андроповка, андрополь, Брежнев, Буденный, Бухарин, бухарик, бухарист, Валя Котик, сталинские внуки, Железняк, живой классик, Ильич, Ленин с нами, Махно, махновец, мичуринец, Ворошиловский стрелок, железный Феликс, Чапаев, играть в Чапаева, Щорс*), а также эпохи перестройки и современной России (ср.: *Борискин, Бориска, бурбулизация, бурбулятор, Гамсахурдия, Горби, жиринов-*

ка, *отчубайсить*, *Раиска*, *черномырдя*, *Явлинский*). Зарубежные исторические и политические деятели связаны с коммунистической идеологией и революционным движением (ср.: *Ким*, *Клара Целкин*, *Маркс*, *Энгельс*) и фашистской Германией (ср.: *Борман*, *Гудерьян*, *Мюллер*), хотя используются и более современные реалии (ср.: *агдам Хусейн*, *пиночетки*).

Наконец, достаточно регулярно метафорическую систему разговорной речи, просторечия и жаргонов пополняют лексемы, характеризующие такую форму общественного сознания и мировоззрения, как религия: номинации религиозных течений и их представителей, служителей культа и священных текстов (ср.: *аббат*, *бабтист*, *брахмапутра*, *библия*, *далай*, *гуру*, *духовенство*, *духовенство совделии*, *дьячок*, *еретик*, *жрец*, *квакер*, *Коран*, *ксендз*, *митрополит*, *молитвенный*, *молитва*, *папа Римский*, *патриарх*, *печать Магомета*, *пилигрим*).

Таким образом, можно констатировать, что лексика общественно-политической и идеологической сферы активно используется как источник метафоризации, что свидетельствует о том, что она составляет важную часть концептосферы носителей разговорной речи, просторечия и жаргонов. Следует, однако, отметить, что многие единицы сознательно или бессознательно искажаются, используются при формировании собственных словообразовательных производных или устойчивых словосочетаний (ср.: *бандера* – искаженная фамилия украинского националиста Бендеры, *агдам хусейн* – иракского диктатора Саддама Хусейна, *Клара Целкин* – немецкой революционерки Клары Цеткин, *гудерьян* – военного деятеля фашистской Германии Гудериана, *жек* – искаженное ЖЭК, *ерусалим* – искаженное Иерусалим, *синатор* – искаженное сенатор, *гострах* – по образцу Госстрах).

В принципе формирования переносных значений, а также в степени их концептуализации можно обнаружить общее и различное в сопоставлении с книжными подсистемами русского языка. В частности, яркой особенностью не книжных вариантов современного русского языка является использование лексики общественно-политической и идеологической сферы для номинаций явлений предметного мира. В истории русского языка такие переносы крайне малочисленны, более или менее регулярно они фиксируются в первой половине и середине XX века, причем сам принцип такой номинации близок к метонимии и синекдохе. Кроме того, именно в этой группе весьма распространены так называемые частичные метафоры, «когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» [Гак 1988: 13–14] (ср.: *печка-буржуйка*, *буденовка*). В современной разговорной речи, просторечии и жаргонах это не только один из самых многочисленных, но и разнообразных по конкретной семантике метафорических классов.

Так, регулярно общественно-политическая лексика используется для номинации артефактов: средств передвижения (ср.: *голубь мира* 'во

время чеченских военных компаний: вертолет Ми-8»; *купец* 'транспортное судно ВМФ'; 'военный транспортный самолет', *бюргер* 'самолет компании «Люфтвафза», *утюг коммунизма* 'крейсер «Аврора»'), мебели, посуды, бытовых приборов и орудий труда (ср.: *бурбулятор* 'электрический прибор для кипячения воды'; 'самогонный аппарат' (намек на политического деятеля 1990-х гг. Бурбулиса), *бухарка* 'рюмка' (намек на политического деятеля 1920-х – 1930-х гг. Бухарина), *ударник комтруда* 'большая совковая лопата'; 'кирка', *железный Феликс* 'громоздкий предмет, артефакт старого образца, старой конструкции', *центр* 'красивая вещь'), элементов одежды (ср.: *колымка* 'шапка заключенного', *ходить во флаге* 'ходить в советской обуви', *еврейка* 'шапка рэппера', *жириновка* 'черная фуражка', *пиночетки* 'черные комнатные тапки с мехом'), вооружения и элементов экипировки правоохранительных органов (ср.: *гуманизатор*, *демократка*, *демократор*, *демократизатор* 'милицейская резиновая дубинка'; *жек*, *жулик*, *кесарь* 'нож').

В компьютерном сленге такой тип метафоризации используется при номинации программного обеспечения компьютера, компьютерных игр и др. (*ветер перемен* 'смена операционной системы на компьютере', *борман* 'компания Borland International', *карела / корела*, *король дров*, *комендант* 'компьютерный редактор', *КПСС* 'файловая система', *ревком* 'часть Интернета, распространяемая на СНГ', *УК* 'архиватор', *чекист* 'тестовая программа').

Очень активно данный тип лексики именуется здания, строения и отдельные помещения различного функционального назначения (ср.: *бастилия* 'Главное высотное здание МГУ в Москве', *андрополь* 'здание КГБ на Лубянке в Москве', *Артек*, *рабфак трудящихся*, *рейстаг*, *таджмахала* 'тюрьма; ИТУ', *бутырка* 'дом на отшибе'; 'отдельная квартира', *бухенвальд* 'химический завод', *гестапо* 'кабинет директора в школе', *дворянское гнездо* 'учительская', *Ватерлоо*, *Дворец Съездов*, *империя*, *Париж* 'общественный туалет', *Ерусалим* 'место, где хранятся ценности', *Индия* 'штрафной изолятор в ИТУ', *канцелярия* 'офисерская кают-компания', *контора*, *шарашкина контора* 'отделение милиции', *эвакопункт* 'ОВИР', *Стена плача* 'забор на Невском проспекте у Гостиного двора в Санкт-Петербурге, где коммунисты и национал-патриоты продают свою прессу').

Характерная особенность современного просторечия, общего, уголовного и молодежного жаргонов – широкое использование данного типа лексики при номинации спиртных напитков (ср.: *агдам Хусейн*, *андроповка*, *бурбулизация*, *партейнос*, *пионерка*, *пионерчик*), продуктов питания (ср.: *ваучер* 'печенье-крекер', *железняк* 'ржаной хлеб', *заря коммунизма* 'тюремная баланда', *москвич* 'смесь пива с водкой', *бухенвальдский паек* 'скудный обед', *чернышевский* 'ржаной хлеб'). Встречаются слова общественно-политической и идеологической сферы и при номинации документации различного назначения (ср.: *ваучер* 'студенческий талон на обед в столовой', *коран* 'документация к программному обеспечению').

При этом, в отличие от книжных вариантов литературного языка, многие из таких номинаций относятся к так называемой «звуковой» метафоре [см.: Москвин 2006: 130], где термин «метафора» связан с планом выражения слова [Любимов, Пинежанинова, Сомова 1996]. Наиболее ре-

гулярно звуковая метафора связана с фонетической мимикрией английской компьютерной терминологии, напр.: *КПСС* 'файловая система' (от OS/2 HPFS – High Performance File System), *босья* 'язык BASIC', *дефолт* 'опция «По умолчанию»' (от англ. default), *дума* 'игра DOOM', *квекер* 'игрок в Quake', *командир* 'файл command.com', *карела / корела* 'графический пакет Corel DRAW™', *зсесовец* '(S)creen (S)aver', *ревком* 'Relcom', *синатор*, *сионист* 'программист, пишущий на языке СИ', *спикер* 'встроенный динамик компьютера (PC speaker)' *УК* 'архиватор UC', *фюрер* 'Hacker's Viewer'.

Подобного рода внешняя метафора встречается и в других внелитературных стратах, причем основой для фонетической метафоры может стать не только иноязычное слово, но и русское литературное, жаргонное, просторечное слово в первичном или метафорическом значении, напр.: *агдам хусейн* 'дешевое некачественное вино' (от распространенной марки такого вина «Агдам» и типа напитка – сухое вино), *балтимор* 'общественная баня у Балтийского вокзала в Санкт-Петербурге', *ватерлоо* 'общественный туалет' (от первичного значения ватерклозет), *чернышевский* 'ржаной (черный) хлеб', *бурбулятор* 'электрический прибор для кипячения воды'; 'самогонный аппарат' (от бурлить), *жек / ЖЭК* 'нож' (от звукоподражания *жикнуть*), *бухарка* 'рюмка' (от жаргонного бухать 'пьянствовать'), *антисемит* 'презерватив' (от существительного семя). Иногда мотивация подобного типа может быть осложнена метонимией и синекдохой (ср.: *Явлинский* 'шампунь «Яблоко»' – по фамилии лидера партии «Яблоко»). Никакого внутреннего «сходства» между первичным и вторичным значениями здесь не наблюдается, однако формирование за счет мимикрии новой внутренней формы создает образный экспрессивный потенциал такой номинации, являясь своеобразной языковой игрой.

Содержательная (внутренняя) метафора при номинации явлений предметного мира может мотивироваться внешним или собственно политическим, идеологическим (концептуальным) потенциалом единицы. Первый тип, как уже отмечалось, представлен в некижных вариантах русского языка и в более ранние периоды. Напр., артефакты могут ассоциироваться с реальными историческими лицами, как правило, политическими деятелями, правителями, с определенными классами, социальными группами, нациями и народностями, которые впервые использовали данные предметы или инициировали его распространение (ср. наименования головных уборов в XIX – перв. пол. XX века: *боливар*, *баярка*, *буденовка*).

В разговорной речи, просторечии и жаргонах этот тип номинации представлен, хотя его продуктивность не очень велика (ср.: *жириновка* 'черная фуражка'). Более или менее регулярно по имени, фамилии политического деятеля, при котором артефакт получил распространение, именуется спиртные напитки (ср.: *раиска* 'бутылка спиртного объемом 0,33 л' (намек на жену президента СССР Раису Максимовну Горбачеву: именно в период правления М.С. Горбачева такая тара получила распространение), *андроповка* 'водка

«Московская», цена на которую была снижена во время пребывания Ю.В. Андропова на посту Генерального секретаря КПСС); денежные единицы (ср.: бориски ‘новые денежные купюры, выпущенные при президенте Борисе Николаевиче Ельцине’, *борискин* ‘десятипяттысячная купюра, самая ходовая при президенте Б.Н. Ельцине’). Связь с метонимией и синекдохой достаточно четко проявляется при номинации артефакта по месту или социальной группе, ставшими символами определенного социального феномена, ср.: *бюргер* ‘самолет компании «Люфтганза»’ (бюргеры – социальная группа, воплощающая в себе, с точки зрения носителей русского языка, многие национальные черты немцев); *колымка* ‘шапка заключенного’ (Колыма стала символом ГУЛАГа, системы исправительно-трудовых колоний советского периода); *ходить во флаге* ‘ходить в советской, отечественной обуви’ (красный флаг – символ СССР); *горбатые колхозные форточки* ‘MS Windows for WorkGroup’ (символом коллективной, совместной работы (WorkGroup) становится колхоз); *пионерка* ‘шкалик водки’, *пионерчик* ‘бутылка спиртного объемом 0,25 л’ (пионеры стали символом детей и подростков в Советском Союзе, поэтому они и ассоциируются с небольшой порцией спиртного); *пролетарский* ‘красный’ (символом пролетарской революции, диктатуры пролетариата стало красное знамя, поэтому возможна и обратная мотивация, напр.: *пролетарское пальто*).

В целом ряде случаев ассоциация с политическим деятелем, социальной группой может быть осложнена ориентацией на конкретную ситуацию, имевшую место в политической жизни страны. Напр., *железный Феликс* ‘громоздкий предмет, артефакт старого образца, старой конструкции’, с одной стороны, формируется под влиянием восприятия ЧК и ее лидера Ф.Э. Дзержинского как символа ушедшей политической системы (устаревший по конструкции артефакт), с другой стороны, демонтаж скульптуры Дзержинского (громоздкой и тяжелой) на Лубянской площади прошел с большим трудом, потребовал значительного времени (этот сюжет не раз демонстрировался по телевидению).

Вместе с тем характерной особенностью современных не книжных вариантов языка является использование собственно политического, идеологического (концептуального) потенциала единицы при формировании переносного значения. Так, очень показательной в этом отношении является номинация милицейских резиновых дубинок такими единицами, как *гуманизатор*, *демократка*, *демократор*, *демократизатор*. С одной стороны, этот вид амуниции правоохранительных органов появился в первые годы перестройки, проходившей под знаком демократизации и гуманизации общественно-политической жизни. С другой стороны, именно с этого времени дубинки активно использовались при разгоне митингов и демонстраций, поэтому подобного рода номинация отражает и отношение носителей исследуемых стратов к переменам в России в конце 80-х и 90-е гг. XX века.

В целом восприятие жизни в современной России как катастрофы, военного лихолетья и деспотического режима отражено во многих номинациях. Именно поэтому ОВИР назван *эвакопунктом* (выезд за рубеж как эвакуация из зоны бедствия), а предприятия, школы, вузы, даже собственные дома и квартиры ассоциируются с местами заключения и жестокой расправы (ср.:

бастилия ‘Главное высотное здание МГУ в Москве’, *бутырка* ‘дом на отшибе’; ‘отдельная квартира’, *бухенвальд* ‘химический завод’, *гестапо* ‘кабинет директора в школе’). Продукты, произведенные в России, ассоциируются с деклассированными элементами, способными есть что угодно и в каких угодно условиях (ср.: *бомжи* ‘пакет вермишелевого супа отечественного производства’). О негативном отношении к реалиям общественной и политической жизни, к правоохранительной системе свидетельствуют и ироничные, шуточные номинации, построенные по принципу антонимии (ср., *таджмахала* ‘тюрьма; ИТУ’ – от названия дворца в Индии, который иногда называют восьмым чудом света; *Индия* ‘штрафной изолятор в ИТУ’).

Восприятие советской идеологической системы как демагогической, где насилие и деспотизм прикрыты демократической риторикой, проявляется в иронических номинациях мест заключения, орудий труда заключенных и т.д. через символы социализма и советского государства (ср.: *ударник комтруда* ‘большая совковая лопата’; ‘кирка’, *Артек*, *рабфак трудящихся* ‘тюрьма; ИТУ’, *заря коммунизма* ‘тюремная баланда’). Показательны и шуточные номинации с использованием советской риторики и лозунгов того времени (ср.: *голубем мира* российские военнослужащие во время войны в Чечне называли плохо защищенный вертолет Ми-8, *Ленин с нами* ‘широкая супружеская кровать’). В целом шуточная номинация неprestижных реалий с помощью политической и идеологической лексики отражает отношение к самим этим институтам (ср.: *зубком*, *Дворец Съездов* ‘общественный туалет’, *ваучер* ‘студенческий талон на обед в столовой’, *билет в коммунизм* ‘продовольственный талон’).

Конечно, далеко не все концептуализированные номинации связаны с характеристикой общественно-политической обстановки в России в прошлом и настоящем. Так, номинация *Ерусалим* ‘место, где хранятся ценности’ мотивирована восприятием Иерусалима как религиозного центра и «яблока раздора» в течение тысячелетия (крестовые походы в Средние века, противоборство израильтян и палестинцев в наши дни). Противопоставление столицы и периферии отражено в таких оценочных номинациях, как *центр* ‘красивая модная вещь’, *москвич* ‘смесь пива с водкой’. Однако политически и идеологически обусловленных мотиваций значительно больше.

Показательно, что в целом не политически или идеологически обусловленных номинаций (за исключением звуковой метафоры) достаточно мало, тогда как в книжных вариантах русского языка этот тип мотивации переноса является основным. Интересно также то, что выбор источника метафоризации часто отличается оригинальностью. Напр., *китайкой* железнодорожники называют уже использованное белье, которое вновь выдается пассажиру (по-видимому, модуль сравнения – желтоватый цвет такого белья, напоминающий цвет кожи китайцев).

Номинация явлений предметного мира, хотя и продуктивная в не-

книжных вариантах русского языка, все же составляет не более 20 % от общего числа единиц рассматриваемой метафорической системы. Подавляющее большинство членов этой системы связаны с характеристикой человека и общества. В частности, в отличие от книжных вариантов, здесь регулярно фиксируется метафорическая номинация человека как физического существа, как биологического вида (части тела, внешний вид, физиология, расовая и этническая принадлежность). Правда, в разных группах и подгруппах степень продуктивности будет различной.

Основная мишень метафорической экспансии – половая и сексуальная сфера. Так, более 20 единиц именуют мужской член (ср.: *гамсахурдия, Ильич, Карл Маркс, живой классик, Котовский, субъект федерации, агитпункт, фюрер, барон, Эйфелева башня, боец невидимого фронта, ваучер, маяк коммунизма, красный партизан, руководящий орган, рейтинг, рот-фронт, чекист*), около 10 – менструацию (ср.: *Красная Армия, демонстрация, красный день календаря, красные пришли, выбросить красный флаг*). Остальные единицы преимущественно называют мужчину с точки зрения его сексуальной активности, сексуального поведения, женщину с точки зрения ее невинности, сам половой акт и т.д. (ср.: *главтрах* ‘мужчина с высокой потенцией’, *бабтист* ‘ловелас’, *половой демократ* ‘импотент’, *Клара Целкин* ‘девственница’, *лишать чинов и званий* ‘совершать изнасилование’, *партвзнос* ‘сперма’). К этой сфере примыкает номинация социальной группы представителей сексуальных меньшинств, преимущественно гомосексуалистов (ср.: *профсоюз, секс-меньшевик, половой демократ, ермак, королева, крестьянка, партизанка, партизанщина, славянка, Анджела Девис*). Другие сферы представлены единичными примерами (ср.: части тела и внешний вид – *агитатор* ‘язык’, *гудермес* ‘ягодицы’, *гудырьян* ‘анальное отверстие’, *прокез* ‘прическа в виде гребня’, *удмуртия, страшнее атомной войны* ‘о некрасивой девушке’, *Феликс* ‘крепкий выносливый мужчина’; *бейный* ‘толстый’, *негр* ‘смуглый или загорелый человек’, *Анджела Девис* ‘смуглый кудрявый пассивный гомосексуалист’, *Феликс* ‘лысый мужчина’, *хипповать, панковать* ‘одеваться необычно, подобно хиппи’; мимика – *эскимоситься* ‘щуриться’; жесты – *голосовать* ‘поднимать, держать поднятой руку, пытаясь остановить попутный транспорт’; физиологические опрвления – *сдать ваучер, инвестировать* ‘испражниться’; заболевания – *пишгерим* ‘больной туберкулезом’, *персона нон грата* ‘человек, больной сифилисом’).

К сфере характеристики человека как биологического вида примыкают номинации лиц по расовой и национальной принадлежности, хотя данная группа одновременно относится и к собственно социальной сфере – гражданская, государственная принадлежность лица (ср.: *китаец* ‘негр’, *негр* ‘украинец’, *душман, басмач, эскимос, самурай* ‘азиат’, *печать Магомета* ‘человек с семитской внешностью’, *француз* ‘еврей’, *бандеры, негры* ‘украинцы’, *самурай* ‘японец’, *Ким, кимирсен* ‘кореец’, *басмач, индеец* ‘не русский житель южных регионов страны; представитель кавказских народов’, *абрек, чех* ‘чече-

нец', *чингиз* 'казах'). Достаточно регулярно этническая характеристика совмещается в жаргонах с профессиональной, социальной и поведенческой характеристикой личности (ср.: *хунвейбин* 'азиат, осужденный за хулиганство', *басурман* 'военнослужащий из Азии', *башибузук* 'головорез из Средней Азии', *камикадзе* 'вооруженный бандит-кавказец').

В отличие от предметной сферы здесь редко представлена звуковая (внешняя) метафора. В основном это номинации половых органов, сексуальной сферы и извращений (ср.: *главтрах*, *бабтист*, *Клара Целкин*, *декреты писать*, *гамсахурдия*, *рот-фронт ермак*, *секс-меньшевик*). В целом сексуальная сфера жизни человека представляет систему эвфемизмов. Мужские гениталиями и высокая потенция регулярно ассоциируется с привилегированными слоями, правителями государства, властными структурами или же с символами коммунистической идеологии (ср.: *барон*, *царь пижамы*, *чекист*, *жрец*, *главтрах*, *субъект федерации*, *руководящий орган*, *член политбюро*, *агитпункт*, *Ильич*, *Карл Маркс*, *живой классик*, *Котовский*, *агитпункт*, *маяк социализма*) или военизированными формированиями, лицами, действующими тайно (*красный партизан*, *боец невидимого фронта*, *агент глубокого внедрения*). Интересно, что демократическое направление в политике оценивается отрицательно, воспринимается как слабое, неавторитетное явление (ср.: *половой демократ* 'импотент'; 'гомосексуалист'). Показательно также то, что испражнение и экскременты ассоциируются с элементами современной экономической политики (ср.: *сдать ваучер*, *инвестировать*).

Единой является мотивация значений, связанных с женским менструальным циклом: в рамках революционной и митинговой лексики актуализируется простой внешний признак – красный цвет крови. Это языковая игра, не связанная с каким-либо типом концептуализации самого явления.

При номинации сексуальных меньшинств обычно подчеркивается обособленность этой социально-сексуальной группировки, специфичное, часто манерное поведение через ассоциацию с социальными группами самодержавной или советской России (ср.: *профсоюз*, *свет*, *Версаль*, *форум*). Специфика сексуального поведения и самоопределения гомосексуалистов проявляется в регулярном использовании слов женского рода (ср.: *агентесса*, *королева*, *крестьянка*, *комендантша*, *славянка*).

Характерной особенностью данной сферы в целом является регулярное использование в качестве источника метафоризации наименований представителей этносов, этнических общественно-политических групп. Обычно актуализируется чисто внешний признак, свойственный, по представлению носителей исследуемых стратов, этим этносам и группам, напр., общая привлекательность / непривлекательность, фигура, разрез глаз, цвет кожи, типичный волосистой покров и т.д. (ср.: эс-

кимоситься 'шуриться', *негр* 'смуглый или загорелый человек', *француз* 'еврей', *индеец* 'не русский житель южных регионов страны; представитель кавказских народов', *удмуртия* 'некрасивая девушка', *бейный* 'толстый'). Возможно использование синекдохи: этнос получает наименование через номинацию лидера этнического государства, этнической политической группы, раса – через наименование одного из этносов этой расы (ср.: *душман*, *эскимос* 'азиат', *самурай* 'японец', *Ким*, *кимирсен* 'кореец', *чингиз* 'казах', *абрек* 'чеченец').

Использование конкретного этнического или социально-этнического наименования может отражать концептуальное представление носителей исследуемых стратов о национальном характере или особенностях поведения этноса. Так, беспокойная обстановка в кавказском регионе, вооруженные конфликты порождают представление о народностях, населяющих этот регион, как об агрессивных и недружественных по отношению к русским (ср.: *басмач*, *индеец*). Номинация *китаец* 'негр' выглядит весьма экстравагантной, но, возможно, в основе переноса лежит отношение этносов к труду (ср.: *Пашу, как негр на плантации; вкальвать как сто китайцев*). Кроме того, китайские рабочие в современной России, как негры в эпоху рабства, работают почти бесплатно (ср. в жаргоне музыкантов: *китай* 'игра без оплаты') (*Отлабали китай и разбежались, чего тут ловить еще?*). Подобное отношение прослеживается и в отношении украинцев, которые также могут именоваться *неграми*.

Семантическая сфера «Человек как психическое существо» не слишком активно использует общественно-политическую и идеологическую лексику. В основном это номинации психического здоровья, интеллектуальных способностей человека, совмещаемых часто с оценкой его социального поведения, жизненного опыта (ср.: *жизнерадостные дети Совка* 'психические больные', *император*, *канцлер* 'психически больной', *гегемон* 'умственно отсталый человек', *Ванёк*, *Ванька из Криворожья*, *Васёк*, *Тимофей*, *крестьянин*, *лапоть*, *вахлак* 'недалекий, малограмотный и необразованный человек; простак', *Иван*, *чукча* 'тупица', *взят от сохи*, *челюскинец*, *албанец*, *кнехт* 'наивный человек, простофиля', *Валя Котик* 'молодой человек, сказавший или сделавший глупость', *тимуровец* 'человек, склонный к неадекватному, часто глупому поведению').

Показательно, что отсутствие интеллектуальных способностей, простодушие и глупое поведение регулярно ассоциируются с советской символикой и идеологемами (*жизнерадостные дети Совка*, *тимуровец*, *челюскинец*, *Валя Котик*), а также с жителями провинции и национальных окраин (*Ванька из Криворожья*, *вахлак*, *чукча*). Слабый интеллект и простодушие ассоциируются с такими социальными группами, как крестьяне, рабочий класс. Характерная особенность данной сферы – номинация социальной группы через метонимию и синекдоху (ср.: крестьянство – *колхоз*, *колхозник*, *соха*, *лапоть*; рабочий класс – *гегемон*). К этой

группе примыкает антропонимы – имена, распространенные, по мнению носителей исследуемых стратов, именно в русской глубинке – среди рабочих и крестьян (*Агафон, Ванёк, Васёк, Гаврила, Тимофей*).

Среди других семантических групп и парадигм более или менее регулярно за счет общественно-политической и идеологической лексики пополняются те, что связаны с оценкой мыслительной деятельности, полученной информации. К ним примыкает общеоценочная лексика, отражающая интеллектуальную и эмоциональную оценку чего-либо или кого-либо (ср.: *хохлома* ‘ерунда’, *антидюринге* ‘нечто абсурдное’, *грузия* ‘ненужная информация’, *нести голландию* ‘говорить нечто абсурдное’; *на хрена французу чум, Ленин в шалаше, на фига генсеку чирик* (*чирик* ‘десять рублей’), *на фига еврею лапти, на хрена жиду гармошка* ‘о явном несоответствии, абсурде; о чем-то совершенно ненужном’, *дать маху и Фейербаху* ‘совершить промах, ошибку’, *жидомасон* ‘о любом человеке (неодобрительно)’, *китайский* ‘плохой, некачественный’, *совковский* ‘плохой’).

Часть таких номинаций можно отнести к звуковым (напр., *грузия* – от жаргонного грузить ‘вести пустые, бессмысленные разговоры’; *голландия* – от галиматя; возможно, частично и *хохлома* – от хохол, хохлушка, хохляндия). Однако, как и при номинации интеллектуально неполноценных лиц, в мотивации переносного значения можно обнаружить своеобразную концептуализацию идеологической сферы. Во-первых, все, что связано с пропагандой народности (*хохлома*), с коммунистической идеологией (*Ленин в шалаше, антидюринге*), воспринимается как абсурд и бессмыслица, а руководство СССР (*Ленин, генсек*) – как особая каста, абсолютно отделенная от народа. Во-вторых, в этом же положении оказываются иностранцы (*французы*) и евреи, поскольку представить их в отдаленной национальной глубинке или в деревне просто невозможно. В таких номинациях отражаются и фобии, присущие русскому этносу на бытовом уровне (отношение к украинцам, евреям, китайской промышленности). Вместе с тем именно евреи воспринимаются как люди с высоким интеллектом (ср.: *жид* ‘одобрительно: умный заключенный’).

Сфера «Человек как социальное существо» является самой продуктивной в плане использования общественно-политической и идеологической лексики, что, конечно, не случайно. В целом перенос: «Человек как социальное существо» → «Человек как социальное существо» – является самым регулярным в истории русского языка, получая развитие уже в древнерусском языке [Балашова 1997; 1999а; 1999б]. Исследователи не раз отмечали, что в социальной метафорической макросистеме при формировании переносных значений обычно не происходит решительной смены сферы «приложения» метафоры: социальная метафора преимущественно функционирует внутри социальной макросистемы (ср.: [Балашова 1998; 2001; Ваулина, Скляревская 1995]).

В разговорной речи, просторечии и жаргонах в основном представ-

лено два пласта социальной лексики. Первый связан с характеристикой человека, его связей и отношений, а также его поведения вне официальной обстановки, второй ориентирован на характеристику человека как представителя официальной государственной и общественно-политической структуры.

Номинация человека вне официальной обстановки включает наименования родственных связей (*Марксы*, *начальство* 'родители', *агрессор* 'теща', *контра* 'жена', *власовец* 'заключенный, бросивший свою многодетную семью и осужденный за неуплату алиментов', *сталинские внуки* 'дети заключенных женщин, родившиеся в ИТУ', *гострах* 'государственное планирование семьи'); межличностных контактов и проведения досуга, прежде всего – флирта, вечеринок и пьянства, конфликтов (ср.: *конвоировать* 'прогуливать с девушкой', *митинг* 'свидание', *голливудить* 'приятно, весело проводить время', *махачкала* 'драка', *послать подальше Афганистана*, *послать на БАС* 'обругать нецензурно', *бухара*, *бухенвальд*, *голливуд* 'пьянка', *бухарить* 'пьянствовать', *бухарин* 'пьяница', *нарком* 'наркоман', *политрук* 'алкоголик', *портвейнгеноссе* 'собутельник', *пролетарий* 'хронический алкоголик', *немецкий счет* 'вечеринка в складчину', *мафия* 'дружеская компания'). Единичными примерами представлены отдельные эпизоды жизни человека, его распорядка дня (ср. школьный и студенческий жаргоны: *бухенвальдский набат* 'звонок на урок', *карабах* 'првал на экзамене').

С помощью исследуемой лексики дается оценка морально-нравственных качеств, поведения и жизненного опыта человека, (*бундесовать* 'вести себя как иностранец', *кто хиппует, тот поймет* 'о необычном, непонятном поведении, поступке', *депутата корчить* 'стремиться выглядеть солидно', *королиться* 'вести себя вызывающе, заносчиво', *троцкий* 'болтун', *грузин* 'лгун', *хитрый*, *как сто китайцев* 'об очень хитром, изворотливом человеке', *мичуринец* 'бездельник', *брахмалуптра* 'странный, погруженный в себя человек', *отчерномырить* 'совершить странный, экстравагантный поступок', *петух гамбургский* 'пижон', *москвич* 'наглый зазнавшийся заключенный'; *патриот*, *коммунист* 'отличник в школе; зубрила'; *пионеры*, *пионерия* 'новички в молодежной группировке'; 'неопытные молодые люди').

Характерная особенность именно жаргонной лексики – регулярная номинация популярных музыкальных коллективов, певцов и их поклонников (ср.: *ариец* 'поклонник группы «Ария»', *бомжи* 'американская рок-группа «Бон-Джови»', *Ринго Сталин* 'Ринго Старр, ударник рок-группы «Битлз»', *пугачевец* 'член молодежной группировки поклонников певицы А. Пугачевой', *леди* 'шутовое название группы LED ZEPPELIN', Макаренко 'рок музыкант Пол Маккартни', *Щорс* 'рок-группа «Дорз»').

Вторая группа, как отмечалось, непосредственно характеризует общественно-государственную и политическую жизнь общества. Показательно, однако, то, что далеко не все сферы этой жизни регулярно именуются с помощью исследуемой лексики. Так, единичными примерами представлена номинация государства в целом (ср.: *Черномырдия*

‘Россия’, *большая зона* ‘СССР’). Достаточно редко данный тип лексики используется для обобщенной номинации представителя иностранного (обычно западноевропейского и США) государства (ср.: *буржуин*, *капиталюга*, *гамбургер*, *фирма*). Малопродуктивно наименование политических партий, движений, причем это в основном коммунистическая партия и внутренняя оппозиция до периода распада СССР (ср.: *партайгеноссе* ‘коммунист’, *бонза* ‘представитель номенклатуры КПСС’, *духовенство Советских* ‘номенклатурные партаппаратчики’, *аббат* ‘парторг батареи’, *еретики*, *кнессет* ‘осужденные диссиденты’, *фашист*, *черносотенец* ‘политзаключенный, диссидент’).

Вместе с тем достаточно разнообразно представлена номинация классовой и социальной структуры общества (как советского, так и современного российского), причем большинство таких наименований – в уголовном арго и молодежном жаргоне (ср.: *буржуин* ‘богатый человек; новый русский’, *боярин* ‘богатый солидный человек’, *барыга* ‘зажиточный, богатый человек (обычно жадный)’, *ваучеренок* ‘малолетний коммерсант’, *гранд* ‘заклоченный, занимавший на воле видное общественное положение’, *гегемон*, *негр* ‘рабочий; человек, выполняющий грязную, тяжелую работу’, *черный коммунар* ‘колхозник’, *парижанин* ‘сельский житель’, *интеллигент* ‘ученик ПТУ’, *лимита* ‘провинциалы в Москве’, *служить у графа Ветрова* ‘быть безработным’, *дворянин*, *чалдон* ‘бродяга’, *ворошиловский стрелок* ‘нищий’, *негр* ‘лицо без гражданства; не гражданин (в Латвии)’).

Очень продуктивна, причем не только в уголовном арго, номинация различных асоциальных элементов (ср.: *босс*, *крепостной* ‘заключенный’, *колхоз* ‘воровская группировка’, *хунта* ‘агрессивная молодежная группировка’, *архаровец* ‘хулиган’, *любер* ‘агрессивный подросток’, *пугачиха* ‘осужденная, бежавшая из ИТУ’, *шамиль* ‘член преступной молодежной группировки’, *абиссинец* ‘рэкетир’, комиссар ‘вор, действующий под видом работника милиции’, *шведский комсомолец* ‘нарушитель границы’, *консул* ‘посыльный, связной’, *кормчий* ‘человек, выдающий деньги членам преступной группировки’, *подпольщик* ‘квартирный вор’, *афганец* ‘убийца’, *абрек* ‘вооруженный бандит’), а также асоциального поведения (*коммуниздить*, *пионерить*, *спионерить* ‘красть’, *пролетарское самосознание* ‘воровство на производстве’, *соцсоревнование* ‘массовый выпуск брака’, *партизанин* ‘скрываться от органов милиции’).

Профессиональная деятельность представлена в основном номинацией органов власти и правопорядка, хотя именуется и другие профессии (ср.: *серый барон*, *башкир*, *гапон*, *козлогвардеец*, *контра*, *пират*, *полицай*, *фараон* ‘милиционер’, *бизнесмент* ‘милиционер, берущий взятки’, *патриарх* ‘председатель суда, судья’, *дьячок* ‘судебный исполнитель’, *работарговец* ‘инспектор бюро по трудоустройству’, *работник органов* ‘врач-гинеколог’, *воевода* ‘учитель НВП’, *милитарист* ‘солдат’, *чекист*, *черносотенец*, *гайдамак* ‘солдат ВВ МВД’, *шляхтич* ‘охранник’, *ворошиловский стрелок* ‘сторож’, *духовенство* ‘музыканты духового оркестра’).

К этой группе примыкает, пожалуй, одна из самых многочисленных парадигм, в которой номинация профессии совмещена с фиксацией

иерархического статуса человека. Так, люди, занимающие высокое положение, лидеры получают такие наименования: *аракчеев* 'классный руководитель', *бай* 'начальник отряда в ИТК', *барин, рабовладелец, император* 'начальник ИТУ', *рабовладелец* 'руководитель предприятия', *барин* 'менеджер, продюсер', *Борман* 'заместитель начальника ИТУ по оперативной работе', *вельможа* 'начальник УВД, ОВД', *графья* 'дирекция, руководство фирмы, предприятия, учреждения', *зэк / зек* 'заведующий кафедрой', *Мюллер* 'начальник оперчасти ИТУ', 'директор школы', *султан, шах* 'генерал МВД', *белые люди* 'чиновники', *гуру* 'опытный программист; мастер', *король* 'лидер коллектива'. Несколько реже именуются лица, стоящие на нижней ступени профессиональной иерархии, возможно, потому, что этот оценочный компонент уже содержится в номинации классов, социальных групп и процессов (ср.: *негр* 'о том, кто выполняет литературную работу по заказу, вместо кого-либо, под именем заказчика и без права на авторство', *раб* 'студент младшего курса, который помогает старшекурсникам делать дипломный проект', *батрак* 'прислужник', *бич* 'моряк, списанный с корабля', *элита* 'неопытные пользователи компьютером, имеющие крайне преувеличенное представление о собственной значимости и своем искусстве').

Очень распространена статусная номинация в уголовном арго (ср.: *аристократ* 'уважаемый вор-рецидивист', *босс* 'наркобарон', *бойрин, босс, князь, король, митрополит* 'главарь группировки', *лорд* 'авторитетный вор', *француз* 'вновь прибывший, неопытный заключенный', *граф Табуреткин* 'кличка неавторитетного заключенного').

В не книжных вариантах русского языка с помощью общественно-политической и идеологической лексики может даваться оценка социального поведения человека, причем независимо от конкретного значения преобладает отрицательная оценка двух взаимосвязанных принципов поведения – контакт с официальной властью и предательство корпоративных интересов (ср.: *активист из сучьего парламента* 'заключенный, сотрудничающий с администрацией ИТУ', *трескать с броневишка* 'произносить патриотические речи', *анархист* 'опасный преступник, не признающий воровских законов'; *Махно* 'бывший вор; вор, сотрудничающий с органами').

Внешняя (звуковая) метафора, языковая игра не слишком продуктивна. Она концентрируется в основном в рамках первой подгруппы, особенно при номинации популярных музыкальных коллективов и их поклонников, а также пьянства, наркомании, конфликтов (ср.: *гострах, ариец, бомжи, Ринго Сталин, портвейнгеноссе, нарком, бухарить, Бухарин, бухара, бухенвальд* (от жаргонного *бухать* 'распивать спиртные напитки'), *политрук* (от жаргонного политура 'поллитровая бутылка спиртного'), *махачкала* 'драка' (от жаргонного махаться 'драться'). Единичные примеры такой звуковой игры, подчеркивающие именно несоответствие формы и содержания, обнаруживаются и во второй подгруппе, напр.: *зэк / зек* 'заключенный' → 'заведующий кафедрой' (совпадение сокращений), *бизнесмент* 'милиционер, берущий взятки', *духовенство* 'музыканты духового оркестра', *ворошиловский стрелок* 'нищий' (от жаргонного и просторечного стрелять 'просить'), *висельник* 'неопытный программист' (от жаргонного виснуть 'о компьютере: не отвечать ни на какие действия

оператора»), *дворянин* 'бродяга' (человек, не имеющий дома, живущий во дворах), *раб-ботник органов* 'врач-гинеколог', *служить у графа Ветрова* 'быть безработным' (ср.: свободен как ветер в поле, ветер в карманах), *кормчий* 'человек, выдающий деньги членам преступной группировки' (от кормить, кормушка и одновременно от Великий Кормчий – одна из традиционных перифраз при указании на многолетнего лидера Китая Мао Цзэдуна).

Однако абсолютное большинство социальной лексики формирует внутренние метафоры, причем, в отличие от других семантических сфер, многие из них строятся на тех концептуальных моделях, что при-сущи книжному варианту русского языка начиная с древнерусского пе-риода.

В частности, при формировании переносных значений обычно про-исходит своеобразное метафорическое расширение: сохраняется ос-новная качественная характеристика лица, тип отношений и зависимо-стей, но при этом меняется сфера приложения этих признаков (ср.: *еретик* 'отступник от норм господствующей религии' → 'осужденный диссидент, т.е. отступник от господствующей коммунистической идеологии', *партизанить* 'воевать в партизанском отряде, т.е. в тылу врага, скрытно' → 'скрываться от органов милиции'; *дьячок* 'низший церковный служитель в православной церкви' → 'судебный исполни-тель', *махновец* 'представитель анархо-крестьянского движения на Украине в 1918 – 1920 гг., выступавшего под лозунгами «безвластного государства» и занимавшегося грабежами и разбоем мирного населения' → 'вор, грабящий всех подряд, не соблю-дающий воровских законов', *негр* 'представитель негроидной расы, раб в США до отмены рабства' → 'лицо без гражданства; не гражданин (в Латвии)'; 'рабочий; чело-век, выполняющий грязную, тяжелую работу', *индеец* 'чеченский боевик из незакон-ного вооруженного формирования, не соблюдающий условий договора между РФ и Чечней о прекращении военных действий и стоящий еще «на тропе войны»). Этот тип переноса может быть назван самым продуктивным, причем в качестве источника метафоризации используются члены всех групп и подгрупп социальной лексики. Типично также подключение к метафоризации метонимии и синекдохи, когда определенная национальная, социаль-ная группа или ее представитель, политический деятель именуют яв-ление в целом, становятся символом определенного социального ка-чества (ср.: *буржуин*, *капиталюга*, *гамбургер*, *фирма* 'иностранец', *кнессет* 'осужденные диссиденты', *лимита* 'провинциалы в Москве', *чалдон* 'бродяга', *любер* 'агрессивный подросток', *афганец* 'убийца', *абрек* 'вооруженный бандит', *гапон* 'милиционер').

подавляющее большинство таких наименований имеет оценочный характер. Выбор признака, определяющего тип социальной оценки, может выявляться логически или психологически, он может быть дос-таточно предсказуемым или диффузным, сугубо ассоциативным, но в его основе чаще всего лежит противопоставление концептуальных оп-позиций («свой – чужой»; «властвующий – подвластный»). Тип оценки определяется социальными факторами, системой значимостей, кото-

рые существуют в социуме в данный период его развития.

Так, как и в книжных вариантах русского языка, монархи, правители, представители привилегированных классов и сословий воспринимаются как лидеры, привилегированная часть современного социума или отдельных групп. Интересно, что, как в русском языке в целом, положительную или нейтральную оценку при переносе сохраняют наименования российских и западноевропейских монархов, а также большинство привилегированных сословий, получающих титул по наследству (власть дана от Бога и по закону): напр.: *боярин* 'солидный человек'; *боярин, князь, король, митрополит* 'главарь группировки', *лорд* 'авторитетный вор', *король* 'лидер коллектива', *аристократ* 'уважаемый вор-рецидивист', *гранд* 'заключенный, занимавший на воле видное общественное положение'. Оценка может меняться на противоположную за счет намеренного фонетического, грамматического искажения (ср.: *элита* 'неопытные пользователи компьютером', *графья* 'дирекция, руководство') или необычного сочетания (ср.: *граф Табуреткин* 'кличка неавторитетного заключенного', *серый барон* 'милиционер'). В то же время пытаться присвоить себе такие привилегии оценивается отрицательно (ср.: *королиться* 'вести себя вызывающе, заносчиво').

Правители империи или азиатских монархий воспринимаются как лидеры, наделенные абсолютной властью, однако отрицательной оценки такие наименования обычно не содержат (ср.: *император* 'начальник ИТУ', *султан, шах* 'генерал МВД'). Интересно, что примерно так же воспринимаются современные руководители коммерческих организаций: при метафоризации этой группы слов на первое место выходит признак абсолютной власти, а оценка может быть либо нейтральной, либо отрицательной (ср.: *босс, шеф*).

Как правило, отрицательно оцениваются лидеры и привилегированная часть группы, коллектива, если в качестве источника метафоризации используются наименования фаворитов государей (власть дана не по закону, а вследствие благосклонности правителя, ср.: *бонза* 'представитель номенклатуры КПСС', *вельможа* 'начальник УВД, ОВД'), правители, получившие власть незаконно или отличавшиеся особой жесткостью, а также привилегированные классы, распорядившиеся жизнью подвластных народных масс (помещики, рабовладельцы, ср.: *хунта* 'агрессивная молодежная группировка', *работорговец* 'инспектор бюро по трудоустройству', *барин* 'менеджер, продюсер'; *бай* 'начальник отряда в ИТК', *барин, рабовладелец* 'начальник ИТУ', *рабовладелец* 'руководитель предприятия'; 'человек (житель Чечни), использующий труд похищенных людей, заложников или пленных военнослужащих', белые люди 'чиновники'). Отрицательно оценивается и принадлежность к сословиям, выполнявшим охранные функции (к этой группе примыкают имена представителей правоохранительных органов авторитарных систем, отличавшихся большой жестокостью), ср.: *полицай* 'милиционер', *чекист, гайдамак* 'солдат ВВ МВД', *Борман* 'заместитель

начальника ИТУ', *Мюллер* 'начальник оперчасти ИТУ'). Показательно, что в той же системе координат мыслятся отношения между ближайшими родственниками и между учениками и учителями (ср.: *начальство* 'родители', *агрессор* 'теща', *Мюллер* 'директор школы', *аракчеев* 'классный руководитель', *Борман* 'зам. директора школы по воспитательной работе').

Отрицательно оценивает современное российское общество богатых, экономически независимых лиц, что проявляется в словообразовательной или внутренней семантической мотивации (ср.: *буржуин* 'богатый человек; новый русский', *барыга* 'зажиточный, богатый человек (от жаргонного первичного значения 'скупщик краденого', *ваучеренок* 'малолетний коммерсант').

Народ и нижние слои общества ассоциируются с абсолютно бесправными классами и сословиями рабовладельческого общества и феодализма, а также деклассированными элементами (ср.: *негр* 'рабочий'; 'о том, кто выполняет литературную работу по заказу, вместо кого-либо, под именем заказчика и без права на авторство', *крепостной* 'заключенный', *раб* 'студент младшего курса, который помогает старшекурсникам делать дипломный проект', *батрак* 'прислужник').

В целом отрицательно воспринимается все, что связано с СССР и коммунистической идеологией. Так, само социалистическое государство – это концлагерь, фашистское и одновременно клерикальное государство, где коммунистическая идеология – религиозное учение (ср.: *большая зона* 'СССР', *партайгеноссе* 'коммунист', *бухенвальдский набат* 'звонок на урок', *духовенство Совдепии* 'номенклатурные партаппаратчики', *аббат* 'парторг батарен').

Еще в большей степени такое отрицательное отношение проявляется при использовании коммунистической символики и советских идеологем в качестве источника метафоризации. Можно сказать, что при метафоризации этой семантической сферы реализуется глобальное концептуальное представление «свой – чужой», где все, что связано с социалистическим государством и укладом жизни, воспринимается носителями исследуемых стратов как «чуждое», враждебное. Такие наименования обычно содержат отрицательную оценку и / или иронию (ср.: *коммуниздить*, *пионерить*, *спионерить* 'красть', *пролетарское самосознание* 'воровство на производстве', *соцсоревнование* 'массовый выпуск брака', *колхоз* 'воровская группировка', *троцкий* 'болтун', *мичуринец* 'бездельник', *пролетарий* 'хронический алкоголик', *послать на БАС* 'обругать нецензурно', *отметить столетие лошади Буденного* 'выпивать без повода'). Показательно, что в сферу «чуждых» попадают родители (с точки зрения детей) – *Марксы*, прилежные ученики (с точки зрения одноклассников) – *коммунисты*. Извращается и представление о патриотизме, который воспринимается как поддержка государственных структур (ср.: *патриот* 'зубрила, отличник', *трескать с броневичка* 'произносить патриотические речи').

Как «чуждые» и потому оцениваемые отрицательно могут воспри-

ниматься, однако, и те, кто боролся с советской властью или Советским союзом. Интересно, что именно в этих категориях осмысляются правоохранительные органы (*контра* 'милиционер'), внутренняя оппозиция (*фашист*, *черносотенец* 'политзаключенный, диссидент') и семейные связи, причем к последним относится не только родитель, предавший своих детей (*власовец* 'заключенный, бросивший свою многодетную семью и осужденный за неуплату алиментов'), но и супруга (*контра*) с точки зрения ее мужа.

Не получает положительной оценки и то, что связано с новым, демократическим укладом. Его лидеры становятся символами нелогичного, абсурдного поведения, страна воспринимается как часть этого «театра абсурда» (ср.: *отчерномырить* 'совершить странный, экстравагантный поступок', *Черномырдия* 'Россия'), а новая представительная власть – те же партийные бонзы и номенклатурные работники (ср.: *депутата корчить* 'стремиться выглядеть солидно').

К разряду «чуждых» носители разговорной речи, просторечия и жаргонов часто относят иностранцев (ср.: *петух гамбургский* 'пижон', *бундесовать* 'вести себя как иностранец'), причем за отдельными нациями могут закрепляться различные концептуальные характеристики (хитрость китайцев, расчетливость немцев и др.). Но «чуждыми» для провинциальной России является и столица (ср.: *москвич* 'наглый зазнавшийся заключенный').

Следует сказать, что абсолютно цельных и единых концептуальных моделей в не книжных вариантах русского языка все же не образуется. Большая часть метафорических наименований связана с актуализацией концептуальных признаков, присущих отдельным политическим, идеологическим явлениям, личностям, причем часто при этом актуализируются далеко не самые важные концептуальные признаки. Так, движение хиппи и индийская философия ассоциируются только со странным поведением, а Голливуд – только со светской, богемной жизнью. Кроме того, в просторечии и жаргонах представлена своеобразная языковая игра, когда наименование дается по принципу антонимии (ср.: *мафия* 'дружеская компания', *парижанин* 'сельский житель', *интеллигент* 'ученик ПТУ'). Особенность не книжных вариантов русского языка заключается также в том, что в основе языковой игры может лежать именно нейтрализация наиболее значимого идеологического, политического и другого компонента, указывающего на тип ситуации и систему зависимостей (ср.: *конвоировать* 'прогуливаться с девушкой', *митинг* 'свидание').

Таким образом, можно констатировать, что общественно-политическая и идеологическая лексика играет важную роль в концептуальной картине мира носителя разговорной речи, просторечия и жаргонов. Во многом этому способствует активная экспансия политического дискур-

са, его влияние на все стороны жизни в СССР и современном российском обществе. Явно прослеживается отрицательное отношение народных масс (а именно они и составляют подавляющее большинство носителей данных стратов) к советскому прошлому, а также к современной общественно-политической жизни России. Можно отметить также наличие определенных фобий (недоверие и неприязнь к богатым, чиновникам, иностранцам, конкретным нациям и народностям). Однако преувеличивать концептуализацию такого рода также не следует, поскольку, с одной стороны, представители одной и той же национальной, социальной, политической группы могут получать при метафоризации как положительную или нейтральную, так и отрицательную оценку, а с другой, – чисто внешний, часто случайный признак столь же регулярно становится основой для формирования переносного значения у слов той же сферы. Наконец, нельзя абсолютизировать влияние самого политического дискурса на формирование метафорической системы, поскольку многие, особенно исторические политические реалии, входят в языковую картину мира носителей исследуемых стратов даже не из учебников, а из популярных кинофильмов, книг и анекдотов (ср. ироничные номинации: *играть в Чапаева* 'окутать головой в тазик с грязной водой (вид издевательства над молодыми солдатами, сокамерниками)', *Мюллер 'директор школы'*, *отметить столетие лошади Буденного* 'выпивать без повода').

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
- Балашова Л.В. Метафора в жанре жития древнерусской литературы // *Жанры речи*. Вып. 1. – Саратов, 1997.
- Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI – XX вв.). – Саратов, 1998.
- Балашова Л.В. Образ автора и образ адресата в торжественной оде и любовной лирике XVIII века // *Жанры речи*. Вып. 2. – Саратов, 1999а.
- Балашова Л.В. Социальная метафора в диахронии // III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: В 2-х ч. Ч. 2. – Челябинск, 1999б.
- Балашова Л.В. Социальная метафора и языковая картина мира (на материале русского языка XI – XX вв.) // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. – М., 2001
- Балашова Л.В. Социальные иерархические отношения в пространственной системе координат // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2004.
- Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Русская политическая метафора*. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Словарь русских политических метафор*. – М., 1994.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Метафора в политическом интердискурсе*. – Екатеринбург, 2006.
- Ваулина Е.Ю., Складарская Г.Н. *Картина мира в языковой метафоре* // *Scandoslavica*. 1995. Т. 41.
- Гак В.Г. *Метафора: универсальное и специфическое* // *Метафора в языке и тексте*.

– М., 1988.

Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. – М., 2006.

Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004.

Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. – М., 2003.

Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.

Москвин В.П. Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006.

Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2004.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

© Балашова Л.В., 2006

**Джессика Бейн, Катрина Статс, Наталия Чабан,
Крайстчерч (Новая Зеландия), Аделаида (Австралия)**

Перевод: Зайцева А.Б.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФРАНКЕНШТЕЙН»

ИЛИ «ФИНАНСОВЫЙ ГАРГАНТЮА»?:

**метафоры персонификации при освещении расширения
евросоюза в новостях Австралии**

Abstract

This paper aims to highlight the peculiarities of the EU's imagery created outside the Union's borders. It also attempts to alert the stakeholders about the stereotypes of a newly enlarged EU currently being cemented around the world. The paper scrutinised two cases – Australian and New Zealand news media representations of EU enlargement by means of the conceptual metaphor of personification.

Полагают, что полное понимание сути Евросоюза (ЕС) является ключевой проблемой, которая встает перед ЕС и его гражданами. Напр., Жан-Кристоф Филори, представитель Уполномоченного по Расширению, утверждает, что «проблема в том, что Евросоюз не понимают, и необходимо ликвидировать разрыв между ЕС и его гражданами» (Lydia Bell). Марго Валлстрем, вице-президент Комиссии ЕС, повторила эту идею, рассматривая отсутствие «общего нарратива» о самой сущности Европы: «настоящая проблема в Европе в том, что нет согласия и понимания того, для чего Европа и куда она идет» (Margot Wallström). Чтобы решать вопросы «демократического» и «коммуникативного дефицита» (см. Christoph Meyer; Claes H. de Vreese; Margot Wallström) В